

II. Правила выделения фонем

1. Различение фонем и вариантов

Дав в предыдущем разделе определение фонемы, мы должны теперь указать те практические правила, с помощью которых можно отличить фонему от фонетических вариантов, с одной стороны, и от сочетания фонем — с другой¹.

При каких условиях два звука следует рассматривать как реализацию двух разных фонем, а при каких условиях их нужно рассматривать как два фонетических варианта одной фонемы? Здесь можно предложить следующие четыре правила.

Правило первое. Если в том или ином языке два звука встречаются в одной и той же позиции и могут замешать друг друга, не меняя при этом значения слова, то такие звуки являются факультативными вариантами одной фонемы.

Здесь могут быть разные случаи. По своему отношению к языковой норме факультативные варианты распадаются на общие и индивидуальные. К общезначимым относятся варианты, которые не считаются ошибками или отклонениями от нормы и поэтому в равной мере могут быть употреблены. Так, например, удлинение согласного перед ударными гласными в немецком языке не воспринимается как ошибка: любой немец может произнести одно и то же слово то с кратким, то с долгим начальным *s* или *sch*; как правило, такое различие в произношении используется для эмоциональных нюансов речи (*ssoo?* *schschön!* сев.-нем. *jja!*). Наоборот, индивидуальные варианты распределены между различными членами одной и той же языковой общности, причем лишь некоторая часть этих вариантов квалифицируется как «нормальное», «хорошее», «образцовое» произношение; прочие же считаются местными, социальными, патологическими и иного рода отклонениями от нормы. Так обстоит дело с переднеязычным и увулярным *г* в различных европейских языках, причем трактовка этих звуков различается от языка к языку. В славянских языках, а также в итальянском, испанском, венгерском, новогреческом нормой является переднеязычное *г*, увулярное же *г* расценивается либо как дефект произношения, либо как признак снобистской манерности, реже (например, в словенском, где это *г* является господствующим в некоторых каринтийских говорах) — как диалектная особенность. Наоборот, в немецком и французском увулярное *г* (точнее, разновидности увулярного *г*) считается нормой, а пере-

¹ Cp. N. Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Brno, 1935.

днеязычное г — либо диалектным отклонением от нормы, либо признаком архаизированной речи (например, г французских актеров). Во всех этих далеко не редких случаях само распределение вариантов является «нормой». Довольно часто бывает так, что общезначимыми оказываются оба варианта фонемы, но частота их употребления колеблется от индивидуума к индивидууму: фонема А реализуется всеми то как α', то как α'', но один предпочитает α', другой — α''. Таким образом, между «общезначимыми» и «индивидуальными» вариантами имеется ряд постепенных переходов.

С функциональной точки зрения факультативные варианты распадаются на стилистически существенные и стилистически несущественные. Стилистически существенные варианты выражают различия между такими языковыми стилями, как взволнованно-эмоциональный, небрежно-фамильярный и т.п. В такой именно функции немецкий язык использует удлинение предупредных согласных, сверхнормальное удлинение долгих гласных, спирантизованное произношение интервокального b (например, в слове abeg в небрежной, фамильярной, усталой речи). С помощью стилистических вариантов могут обозначаться не только эмоциональные, но и социальные стили речи; так, например, в одном и том же языке могут сосуществовать вульгарный, благородный и стилистически нейтральный варианты одной и той же фонемы, по которым распознается степень образования или социальная принадлежность говорящего. Таким образом, сами стилистические варианты могут быть подразделены на эмоциональные, или патогномические, и физиогномические. Для стилистически несущественных факультативных вариантов все эти аспекты не имеют никакого значения. Стилистически несущественные факультативные варианты вообще не несут никакой функции, они замещают друг друга совершенно произвольно, не изменяя при этом экспрессивной или апеллятивной функции речи. Так, например, в кабардинском языке палатальные (среднеязычные) смычные произносятся то как к-образные, то как ч-образные звуки: один и тот же кабардинец произносит gape «рубашка» то как ġape, то как ž'ape, не замечая этого и не используя указанные варианты для стилистической или эмоциональной нюансировки речи¹.

Распознавание и систематизация стилистических вариантов является задачей стилистики звуков, о чем уже говорилось выше (см. стр. 22 и сл.). С точки зрения фонологии, в узком смысле этого

¹ Ср. Н. Ф. Яковлев, Таблицы фонетики кабардинского языка, «Труды подразделения исследования северокавказских языков при Институте востоковедения в Москве», т. I, М., 1923.

слова (то есть с точки зрения экспликативной фонологии), все стилистически существенные и стилистически несущественные факультативные варианты можно объединить под общим понятием «факультативных вариантов». При этом не следует забывать, что с точки зрения экспликативной фонологии «вариант» является чисто отрицательным понятием: два звука относятся друг к другу как варианты, если они не могут дифференцировать интеллектуальных значений. Судить же о том, выполняет ли противоположение таких двух звуков какую-либо иную функцию (экспрессивную или апеллативную), должна не фонология в строгом смысле этого слова, а стилистика звуков. Все факультативные варианты обязаны своим существованием тому обстоятельству, что только часть артикуляторных признаков любого звука обладает фонологически различительными свойствами. Прочие артикуляторные признаки звука в этом отношении «свободны»; они могут в а р ь и р о в а т ь от случая к случаю. А используется ли это варьирование в выразительных целях или нет — для экспликативной фонологии (в частности, для фонологии слова) безразлично.

Правило второе. Если два звука встречаются в одной и той же позиции и не могут при этом заменить друг друга без того, чтобы не изменить значения слова или не исказить его до неузнаваемости, то эти звуки являются фонетическими реализациями двух разных фонем.

Такое отношение наблюдается, например, между немецкими звуками *i* и *a*: замена *i* звуком *a* в слове *Lippe* «губа» влечет за собой изменение смысла (*Larre* «тряпка»); подобная же замена в слове *Fisch* «рыба» искажает его до неузнаваемости (*Fasch*). В русском языке звуки *й* и *ё* встречаются только между двумя палатализованными согласными. Так как замена одного звука другим либо меняет смысл (*t'ät'ä* «тятя» — *t'öt'ö* «тётя»), либо изменяет слово до неузнаваемости (*id'öt'ī* «идете» — *id'ät'ī??*, *p'ät'* «пять» — *p'öt'??*), то эти звуки определяются как реализация разных фонем.

Степень «искажения до неузнаваемости» может быть весьма различной. Так, например, взаимная замена звуков *f* и *pf* в начале немецких слов в большинстве случаев не так искажает слово, как взаимная замена звуков *a* и *i*. На значительной территории Германии говорящие на литературном немецком языке систематически заменяют начальное *pf* звуком *f*; тем не менее немцы без труда понимают слова, в которых имеют место такие замены. Впрочем, наличие таких противопоставленных друг другу слов, как *Pfeil* «стрела» — *feil* «продажный», *Pfand* «залог» — *fand* «нашел», *Pfad* «тропа» — *fad* «безвкусный» (*hüpfte* «прыгал» — *Hüfte* «бедро», *Hopfen*

«хмель» — hoffen «надеяться»), свидетельствует о том, что в литературном немецком языке pf и f в начале слова следует рассматривать как разные фонемы и что, следовательно, те образованные немцы, которые заменяют начальное pf звуком f, говорят по существу не на правильном литературном языке, а на языке, представляющем собой смешение литературного с местными диалектами.

Правило третье. Если два акустически (или артикуляторно) родственных звука никогда не встречаются в одной и той же позиции, то они являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы. Здесь можно выделить три типичных случая.

А. В данном языке X имеется, с одной стороны, класс звуков (α' , α'' , α''' ...), которые встречаются только в определенной позиции, и, с другой стороны, только один звук (α), который в этой позиции никогда не встречается. В таком случае звук α может выступать в качестве варианта только по отношению к тому звуку из класса α' , α'' , α''' , который ближайшим образом родственен ему акустически (или артикуляторно). Так, например, в корейском языке s и t не могут находиться в исходе слова, тогда как l встречается лишь в исходе слова. Поскольку плавный l, очевидно, родственнее t, чем s, постольку только l и t можно рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы.

Б. В данном языке имеется один ряд звуков, которые возможны только в определенном положении в слове, и другой ряд звуков, которые в этом положении невозможны. В таком случае каждый звук первого ряда и наиболее родственный ему акустически (или артикуляторно) звук второго ряда относятся друг к другу как комбинаторные варианты. Например, русские \ddot{o} и \ddot{a} возможны только между двумя палатализованными согласными, тогда как звуки o и a в этом положении никогда не встречаются; поскольку \ddot{o} как лабиализованный гласный среднего подъема ближе к o, нежели к a, и, с другой стороны, \ddot{a} как очень открытый нелабиализованный гласный ближе к a, нежели к o, то o и \ddot{o} определяются как комбинаторные варианты одной фонемы («O»), а a и \ddot{a} — как комбинаторные варианты другой фонемы («A»). В японском языке c (= ts) и f употребляются только в положении перед u, тогда как t и h в таком положении не встречаются; среди этих звуков t и c (= ts) являются единственными глухими дентальными смычными, а h и f — единственными глухими спирантами; из этого следует, что t и c необходимо рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы, а h и f — как комбинаторные варианты другой.

В. В данном языке существует какой-то один звук, употребляемый только в определенном положении в слове, и наряду с ним какой-то другой звук, который в таком положении не употребляется. Такие два звука можно рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы только в том случае, если они не образуют по отношению друг к другу косвенно-фонологической оппозиции. Так, например, немецкие *h* и *ɣ* являются не комбинаторными вариантами одной фонемы, а представителями двух разных фонем, хотя они никогда не встречаются в одном и том же положении (см. выше, стр. 39). В японском языке, наоборот, звук *g*, возможный только в начале слова, и звук *ŋ*, который в начале слова никогда не встречается, определяются нами как комбинаторные варианты одной фонемы: оба звука являются единственными звонкими заднеязычными в этом языке и, таким образом, обладают известными общими признаками, благодаря которым они отличаются от всех прочих звуков японского языка¹.

Правило четвертое. Два звука, во всем удовлетворяющие условиям третьего правила, нельзя тем не менее считать вариантами одной фонемы, если они в данном языке могут следовать друг за другом как члены звукосочетания, притом в таком положении, в каком может встречаться один из этих звуков без сопровождения другого. Так, например, в английском языке *g* может находиться только в положении перед гласными, а *ə* — только в положении перед согласными; так как *g* произносится без шума трения (или взрыва), а *ə* — с довольно неопределенной степенью раскрытия и довольно неопределенной окраской, то данные два звука можно было бы рассматривать как комбинаторные варианты одной и той же фонемы. Это, однако, невозможно, поскольку в таких словах, как *profession* (произносится [prəfeʃn]), звуки *g* и *ə* следуют друг за другом, тогда как в других словах, как, например, в слове *perfection* (произносится [pəfekʃn]), в том же положении встречается только один из этих звуков, а именно *ə*.

Таким образом, фонетические варианты являются либо факультативными, либо постоянными; в последнем случае они, естественно, могут быть только комбинаторными. Впрочем, возможны также и факультативные комбинаторные варианты. Так, например, в

¹ Возможен еще и четвертый случай. Иной раз звук *α* встречается только в таких положениях, в каких другие два звука (*α'* и *α''*) никогда не употребляются, причем *α* оказывается близкородственным как звуку *α'*, так и звуку *α''*, в силу чего *α* приходится считать комбинаторным вариантом как звука *α'*, так и звука *α''*. Здесь мы имеем дело с нейтрализацией фонологического противоположения, о чем подробно будет сказано в соответствующем месте (см. стр. 83 и сл.)

русском языке фонема «j» после гласных реализуется как неслоговое *j*, а после согласных — либо как *j*, либо как спирант *j̥*; оба варианта являются факультативными. В некоторых немецких диалектах *t* и *d* фонологически совпадают; они образуют одну фонему, которая в большинстве положений реализуется то как *t*, то как *d*; после носовых — всегда только как *d* (например, *tinde/dinde* = лит. *Tinte* «чернила»).

Мы уже видели, что ряд факультативных вариантов, а именно так называемые стилистические варианты, выполняет известную роль в плане экспрессивной и апеллятивной функций языка (см. стр. 52). Что касается комбинаторных вариантов, то они функционируют исключительно в экспликативном плане. Комбинаторные варианты являются, если можно так сказать, фонологическим вспомогательным средством. Они сигнализируют либо о границе слова (или морфемы), либо о наличии определенного рода соседней фонемы. Об их роли как знаков границы слова или морфемы мы будем говорить ниже при рассмотрении делимитативной функции звука (см. стр. 287 и сл.). Что же касается сигнализации о наличии определенного рода соседней фонемы, то эта выполняемая комбинаторными вариантами функция не является лишней (хотя она и не необходима). При быстром и неотчетливом произношении та или иная фонема может полностью потерять свою индивидуальность; поэтому бывает полезно, когда ее индивидуальность дополнительно подтверждается особым вариантом находящейся рядом с ней фонемы. Однако это может иметь место только в случае, если особый вариант соседней фонемы проявляется не только при быстром произношении, но и всякий раз, когда две данные фонемы оказываются рядом, ибо только тогда особая реализация запечатлевается в сознании и действительно становится знаком, сигнализирующим о наличии рядом другой и притом определенной фонемы. Так, например, артикуляция японского и сама по себе является малохарактерной: губы округляются слабо, а длительность артикуляции столь мала, что в быстрой речи гласный вообще перестает произноситься. При таких обстоятельствах весьма благоприятным оказывается то, что перед *u* ряд японских фонем имеет особые комбинаторные варианты (вариантом *t* является *s*, а вариантом *h* — *φ*); если бы даже *u* не воспринималось, по реализации предшествующей фонемы всегда можно было бы догадаться, что за ней предполагается *u*¹.

¹ Эту особую функцию указания на наличие в непосредственном соседстве определенной фонемы можно назвать социативной или вспомогательно-социативной.

2. Ошибки в суждениях о фонемах чужого языка

Фонологическая система любого языка является как бы ситом, через которое просеивается все сказанное. Остаются только самые существенные для индивидуальности данной фонемы звуковые признаки. Все прочее отсеивается в другое сито, где остаются признаки, существенные для апеллятивной функции языка; еще ниже находится третье сито, в которое отсеиваются черты звука, характерные для экспрессивной функции языка. Каждый приучается с детства анализировать речь подобным образом, и этот анализ осуществляется автоматически и бессознательно. Однако система «сит», делающая возможным такой анализ, в каждом языке строится по-разному. Мы усваиваем систему родного языка. Слушая чужую речь, мы при анализе слышимого непроизвольно используем привычное нам «фонологическое сито» своего родного языка. А поскольку наше «сито» оказывается неподходящим для чужого языка, постольку возникают и многочисленные ошибки, недоразумения. Звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через «фонологическое сито» нашего родного языка.

Приведем некоторые примеры. Как известно, в русском языке все согласные распадаются на два класса: палатализованные и непалатализованные (последние при этом веляризованы). Для большинства согласных их принадлежность к одному из этих двух классов является фонологически существенной. Русский сразу узнает на слух, какой согласный в том или другом слове его языка является мягким, а какой — твердым. Противоположение палатализованных и непалатализованных согласных подчеркивается еще и тем обстоятельством, что все гласные русского языка обладают особыми комбинаторными вариантами в зависимости от того, к какому классу принадлежит предшествующий или последующий согласный. Между прочим, фонема «і» реализуется как настоящее і, то есть как «напряженный гласный верхнего подъема переднего ряда», только в том случае, если она находится в начале слова или после палатализованного согласного. Эту особенность своего родного языка русские переносят и на другие языки. Так, услышав немецкое слово с долгим і, русский полагает, что он «прослушал» палатализацию предшествующего согласного: для него і является сигналом палатализации предшествующего согласного; такая палатализация, полагает он, должна присутствовать обязательно, и если он ее не услышал, то это результат акустической ошибки. Когда же русскому самому нужно произнести немецкое слово, в котором имеется долгое і, он произнесет его с мягким согласным в положении перед і: l'ige, d'ip, b'ibel, z'iben и т.д. И делает это он не только по убеждению, но и в силу невозможности произнести закрытое напряженное і после непалатализованных согласных. Немецкое краткое і не является напряженным. Такое ненапряженное і не имеет точного соответствия среди ударных гласных русского языка. Поэтому такой звук может и не ассоциироваться с палатализацией предшествующего согласного. И действительно, русский воспринимает начальные согласные немецких слов Tisch «стол», Fisch «рыба» как непалатализованные. Но непалатализованный согласный в рус-

ском языке является веляризованным, а после веляризованных согласных русская фонема *i* реализуется как *ш* (нелабиализованный напряженный гласный верхнего подъема среднего или заднего ряда). Отсюда и русское произношение указанных слов: *tuiš*, *fiuš*. Само собой разумеется, что все сказанное выше касается тех русских, которые только приступили к изучению немецкого языка. С течением времени они преодолевают трудности, усваивая правильное немецкое произношение. Все же кое-что от «русского акцента» у них остается; даже после многолетней практики, усвоив во всем остальном хорошее немецкое произношение, они продолжают слегка смягчать согласные перед долгим *i* и несколько веляризовать произношение краткого *i*.

Возьмем теперь другой пример. В русском литературном языке имеется гласный *э*, который можно описать как нелабиализованный гласный среднего подъема заднего (или смешанного задне-среднего) ряда. Этот гласный возможен только после согласных, причем либо в заударных, либо в предударных слогах, за исключением непосредственно предударного слога: *də:mə* «дома», *pətəm* «потому». Так как гласный *я* в неударном слоге возможен только либо в начале слова (*äd'ino:kä* «одинокий»), либо после гласного (*vəät'uzat'* «вооружать»), либо после согласного в непосредственно предударном слоге (*dāmə* «домой»), то отсюда следует, что гласные *я* и безударное *я* относятся друг к другу как комбинаторные варианты. В болгарском языке тоже имеется гласный *э*, акустически-артикуляторная характеристика которого почти совпадает с русским *э*. Однако в противоположность русскому болгарский гласный встречается не только в безударных, но и в ударных слогах: *pət* «путь», *kəšt* «дом» и т.д. Русскому, изучающему болгарский язык, чрезвычайно трудно усвоить произношение болгарского ударного *э*; на место ударного *э* он подставляет гласные *а*, *ш*, среднее *е* и лишь с большим трудом и после долгой практики усваивает более или менее правильное произношение. Наличие аналогичного *э* в родном языке не облегчает, а, наоборот, затрудняет ему усвоение правильного произношения болгарского *э*, так как русск. *э* звучит почти так же, как болг. *э*, но выполняет совершенно иную функцию: оно указывает на относительное место ударного слога. Таким образом, его неударность не является чем-то случайным; она существенна, тогда как болгарское *э* может быть ударным. Поэтому русский может отождествить ударное болг. *э* с любым гласным своего языка, но только не с *я*.

Русские гласные под ударением являются не только более сильными, но и более длительными, нежели соответствующие безударные гласные. Можно даже сказать, что в русском языке все слоги под ударением являются долгими, а все безударные слоги — краткими. Количество и ударение сопутствуют друг другу и образуют неразложимое целое. При этом слог под ударением может находиться и в начале, и в конце, и в середине слова; его положение в слове часто является существенным для значения слова. *pal'it'i* «(вы) палите» (настоящее время изъявительного наклонения) — *pal'it'* «палите» (повелительное наклонение) — *pal'it'i* «полетит». В чешском языке количество и ударение распределяются иначе. Ударение

здесь всегда падает на первый слог и, таким образом, несущественно для дифференциации значений слов: оно лишь сигнализирует о начале слова. Напротив, количество не связано с определенным слогом, оно свободно и очень часто служит для дифференциации значения слов (pítí «пить» — pítí «питье»). Отсюда проистекают большие трудности как для чеха, изучающего русский язык, так и для русского, изучающего чешский язык. Русский будет либо ставить ударение на первом слоге, но тогда он будет и произносить его как долгий, либо он будет переносить ударение на первый долгий слог и, таким образом, произносить вместо kùkātko «бинокль» и kábāt «пиджак» либо kùkatko, kábat, либо kukātko, kabāt. Ему не удастся отделить количество от ударения, поскольку эти явления для него тождественны. Чехи, изучающие русский язык, обычно воспринимают ударение как долготу. Они ставят ударение на первом слоге каждого русского слова, а этимологически ударные слоги произносят как долгие. Русское предложение pŕín'ís'it'í mně stākān vādw «принесите мне стакан воды» в устах чеха превращается в přinesiti mne stākān vōdi. Само собой разумеется, что все это имеет место лишь до тех пор, пока обучающийся еще недостаточно натренирован. Постепенно эти резко бросающиеся в глаза особенности исчезают. Но отдельные характерные признаки чужого акцента все же остаются. Русский, даже если он прекрасно говорит по-чешски, будет продолжать слегка удлинять первый краткий слог в чешских словах и смешивать краткие и долгие слоги; чех со своей стороны при всем своем хорошем знании русского языка будет слегка усиливать первые слоги (особенно в длинных словах с ударением на одном из последних слогов: *госудáрство, коннозаво́дство*) и неправильно расставлять ударение. Различие в интерпретации количества и ударения отличает русских от чехов даже в том случае, когда они прекрасно владеют обоими языками. Особенно отчетливо обнаруживается это при восприятии чужой поэзии¹. Русская метрика зиждется на закономерном чередовании ударных и неударных слогов, причем, как уже говорилось, ударные слоги являются долгими, а безударные — краткими; границы слова могут приходиться на любое место стиха, и постоянное нерегулярное перераспределение границ слова служит целям оживления и варьирования структуры стиха. Чешский стих зиждется на регулярном распределении словесных границ, причем, как уже говорилось, начало слова характеризуется усилением голоса; что же касается кратких и долгих слогов, то они распределены в стихе нерегулярно, и свободное перераспределение таких слогов способствует оживлению стиха. Чех, слушающий русское стихотворение, рассматривает его метрику как квантитативную, а все стихотворение в целом как довольно-таки монотонное. Русский же, которому приходится в первый раз слушать поэтическое произведение на чешском языке, обычно бывает полностью дезориентирован и, как правило, не в состоянии указать, каким размером оно написано: ритм ударных начальных слогов перемешивается здесь с нерегулярным чередованием долгих и кратких слогов, оба ритма следу-

¹ См. Р. Якобсон, О чешском стихе...

ют попеременно, мешают друг другу и парализуют друг друга; в результате русский не может извлечь никакого впечатления о ритме. При лучшем знакомстве с языком первое впечатление слабее. И все же очень часто чех так и остается неспособным правильно оценить эстетическую ценность русского стиха; то же самое можно сказать и о русском в отношении чешской поэзии.

Число подобных примеров можно было бы умножить. Они показывают, что так называемый «иностранный акцент» зависит совсем не от того, что тот или иной иностранец не в состоянии произнести тот или иной звук, а скорее от того, что он неверно судит об этом звуке. И такое неверное суждение о звуке иностранного языка обусловлено различием между фонологическими структурами иностранного и родного языков. Любому венгру знакомо различие между мужчиной и женщиной. Но в его языке это различие принадлежит сфере лексического, а не грамматического. Поэтому он и смешивает при изучении немецкого языка *der* с *die*, *er* с *sie* и т.д. Равным образом любому русскому знакомо напряженное долгое *i*; однако для него оно является лишь комбинаторным вариантом фонемы «*i*», который свидетельствует о палатализации предшествующего согласного; поэтому-то он и смягчает в разговоре на немецком все согласные перед этим *i*.

3. Отдельная фонема и сочетание фонем

А. Определение однофонемности

Не всегда легко установить разницу между отдельной фонемой и группой фонем. Звуковой поток в живой речи находится в непрерывном движении; рассматривая его в чисто фонетическом плане (то есть в отвлечении от языковой функции звука), нельзя решить, чем должен быть тот или иной отрезок этого потока: одной фонемой (то есть «однофонемным» отрезком) или рядом фонем (то есть «многофонемным» отрезком). Однако и здесь существуют определенные фонологические правила, которых необходимо придерживаться¹.

В общем можно сказать, что однофонемную значимость могут иметь только те сочетания звуков, составные части которых не распределяются по двум слогам и которые образуются единой артикуляцией, причем длительность ее не должна превышать нормальную длительность одного звука. Сочетание звуков, удовлетворяющее этим чисто фонетическим условиям, является только «потенциально однофонемным». Его следует признать и фактически однофонемным (то есть как реализацию одной фонемы), если оно

¹ Ср. N. Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Bmo, 1935, § 7—16.

в соответствии с правилами данного языка ведет себя как отдельная фонема или если общая структура фонологической системы этого языка требует такой оценки. Особенно благоприятны для однофонемной трактовки звуко сочетания те случаи, в которых составные части такого сочетания нельзя понимать как реализации каких-либо других фонем того же языка. Таким образом, фонетические предпосылки и фонологические условия для однофонемной трактовки сочетания звуков могут быть сведены к следующим шести правилам.

Правило первое. Реализацией одной фонемы можно считать только сочетание звуков, составные части которого в данном языке не распределяются по двум слогам.

В русском, польском, чешском и других языках группа звуков *ts*, составные части которой входят всегда в состав одного слога, является одной фонемой с (ср. русск. *se-ləj* «целый», польск. и чешск. *so* «что», русск. *l'ī-so* «лицо», польск. *plā-se* «плачú», чешск. *vī-se* «больше», русск. *ka-n'ēs*, польск. *ko-n'ēs*, чешск. *ko-nēs* «конец» и т.д.). Иначе обстоит дело в финском, где эта группа возможна только в середине слога, причем *t* завершает предшествующий слог, а *s* начинается следующий слог (*it-se* «сам», *seit-se-män* «семь» и т.д.); здесь такая группа звуков является реализацией фонемного ряда *t + s*. Когда в русском, польском и чешском группа «гласный + неслоговое *j*» предшествует гласному, неслоговое *j* присоединяется к этому гласному, образуя начало слога (русск. *zbŭ-jǎ* «сбруя», чешск. *ku-ru-jē* «покупает» и т.д.). Следовательно, в таких языках эта группа является реализацией фонемного ряда «гласный + *j*», притом даже тогда, когда все слово оказывается односложным (русск. *daĭ* «дай» = фонологически *daĭ*). Однако в немецком, где дифтонги на *i*- и на *u*- в положении перед гласным не распределяются по двум слогам (*Ei-er* «яйца», *blau-e* «синие», *mis-trau-isch* «недоверчивый» и т.д.), они, очевидно, обладают однофонемной значимостью¹.

Правило второе. Группу звуков можно считать реализацией одной фонемы только в том случае, если она образуется с помощью единой артикуляции или создается в процессе постепенного убывания или сокращения артикуляционного комплекса.

Очень часто дифтонги трактуются как единая фонема. Яснее

¹ Конечно, в таких словах, как *Eier*, *blaue*, между дифтонгом и следующим гласным могут развиваться так называемые переходные звуки, относящиеся к следующему слогу (*æ̯* — *ɪ̯* и т.д.); существенно, однако, что дифтонг тем не менее полностью принадлежит первому слогу.

всего это видно на материале английского языка, где такие сочетания, как *ei* или *ou*, имеют значимость единых фонем: как известно, англичане немецкие долгие *e*, *o* произносят как *ei*, *ou*, отождествляя таким образом немецкие монофтонги со своими дифтонгическими фонемами¹. Вахек² отметил, что как в английском, так и в других языках однофонемная значимость присуща только так называемым «скользящим дифтонгам» (*Bewegungsdiptthong*), то есть дифтонгам, которые возникают в процессе изменения уклада органов речи. Существенным при этом является не начальный и не конечный моменты изменения уклада, а общая направленность движения. Эта формулировка, однако, необратима, хотя Вахек, на мой взгляд, неправоммерно делает ее таковой: не каждый «скользящий дифтонг» должен определяться как единая фонема. Но если дифтонг определен как единая фонема, то он должен быть скользящим дифтонгом. Иными словами, речь в этом случае должна идти о едином артикуляционном движении. Такое сочетание, как *ai* или *aiu*, ни в одном языке не может быть одной фонемой, поскольку здесь мы имеем дело с двумя разнонаправленными артикуляционными движениями. Так называемые «скользящие звуки» между двумя согласными «причисляются» то к предшествующему, то к последующему согласному, в связи с чем «основной звук» рассматривается как единство вместе с сопровождающим его «скользящим звуком». Но в такой группе, как «*s* + скользящий звук, встречающийся между *s* и *k*, + *s*», скользящий звук пришлось бы рассматривать в качестве реализации особой фонемы (а именно *k*), даже если бы здесь и не осуществилось подлинной артикуляции типа *k*, поскольку артикуляционное движение в данном случае не было бы единым.

Рассматривая типические случаи однофонемной трактовки групп согласных, легко заметить, что во всех случаях речь идет о постепенном убывании артикуляторного комплекса. У «аффрикат» «смычка» сперва расширяется до «шели», а затем исчезает совсем. У «придыхательных» вначале происходит размыкание ротовой смычки; гортань между тем некоторое время остается в том положении, какое она занимала во время ротовой смычки; акустическим следствием этого является придыхательный призвук. У «смычно-гортанных» одновременно со смычкой в надгортанной полости образуется гортанная смычка; после уменьшения (то есть размы-

¹ Cp. A.C. Lawrenson, «Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences», стр. 132.

² J. Vachek, Über das phonologische Problem der Diphthonge, «Práce z vědeckých ústavů filosof. fakulty Karlovy university», XXXIII, Praha, 1933.

кания) ротовой смычки гортанная смычка некоторое время сохраняется, но затем и она размыкается, акустическим результатом чего является резкий гортанный толчок. Палатализованные и лабиализованные согласные, которые производят акустическое впечатление группы из согласного и неполнообразуемого очень короткого $i(j)$ и $u(w)$, обнаруживают тот же процесс не вполне синхронного сокращения сложного артикуляционного комплекса. Во всех таких случаях мы имеем дело с единым артикуляционным движением, которое происходит в одном направлении (а именно в направлении «убывания» или «сокращения» сложного артикуляционного комплекса, то есть в направлении возврата к состоянию покоя). В противоположность этому такая группа звуков, как st , ни при каких обстоятельствах не может быть однофонемной, поскольку здесь имеет место постепенное «нарастание» смычки, которая затем «убывает» (то есть размыкается). Равным образом не может быть однофонемным и сочетание ks , так как оно предполагает два различных артикуляционных движения¹.

Правило третье. Группу звуков следует считать реализацией одной фонемы, если ее длительность не превышает длительности других фонем данного языка.

Практически это правило является менее важным, чем два предыдущих. Все же надо подчеркнуть, что нормально длительность, например русских аффрикат $ц$, $ч$, не превышает длительности прочих «коротких» согласных и, во всяком случае, никогда не достигает нормальной длительности таких сочетаний, как ks , $k\dot{s}^2$; длительность же чешского ou превышает длительность нормально долгих гласных чешского языка, и это обстоятельство, очевидно, имеет значение для того, чтобы считать данный дифтонг реализацией группы фонем.

Следующие ниже правила указывают, когда потенциально однофонемные звуковые комплексы **н у ж н о** рассматривать как фактически однофонемные.

¹ Следует предостеречь от неправильного понимания сказанного здесь. Любой звук имеет две стороны — артикуляторную и акустическую. Если второе правило выражено нами в артикуляторных терминах, то объясняется это только тем, что современная научная терминология обладает весьма малыми средствами для точного описания акустических впечатлений. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что различение единых артикуляционных движений, равно как движений «нарастания» и «убывания», имеет вполне точный акустический эквивалент и что даже если бы ничего не знать об условиях артикуляции, то по одному акустическому впечатлению можно было бы определить, принадлежит данное сочетание звуков к «потенциально однофонемным» или нет.

² Ср. L. Š c e r b a, Quelques mots sur les phonèmes consonnes composés, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», XV, стр. 237 и сл.

Правило четвертое. Потенциально однофонемную группу звуков (то есть группу, удовлетворяющую требованиям предыдущих трех правил) следует считать реализацией одной фонемы, если она встречается в таких положениях, где, по правилам данного языка, недопустимы сочетания фонем определенного рода.

Многие языки не терпят скоплений согласных в начале слова. Если в таких языках сочетания звуков типа *ph, th, kh*, или *pf, kx, ts*, или *tw, kw* и т. д. *оказываются в начале слова, то каждое из этих сочетаний следует рассматривать как одну фонему.* Сказанное имеет силу для сочетаний *ts, dz, tʃ, dʒ* в тлингит¹, японском, монгольских и тюркских языках, для сочетаний *ph, th, kh, tsh, tʃh* и т.п. в китайском языке, для сочетаний *ph, th, kh, kʰ, kx, ts, tʃ, tʃʰ, kʰ* в аварском² и для многих других аналогичных случаев. Немецкий язык допускает в начале слова сочетания согласного с *l* (*klar* «светлый», *glatt* «гладкий», *plump* «неловкий», *Blei* «свинец», *fliegen* «летать», *schlau* «лукавый») или с *w* (*Qual* «мучение», *schwimmen* «плыть»); из сочетаний же «два согласных + *l*, *w*» в начале слова допустимы лишь *ʃpl* (*Splitter* «осколок»), *pfl* (*Pflaume* «слива», *Pflicht* «долг», *Pflug* «плуг», *Pflanze* «растение») и *tsw* (*zwei* «два», *zwar* «хотя», *Zwerg* «карлик», *Zwinger* «клетка»); так как трехчленные сочетания согласных в начале немецких слов обычно недопустимы (за исключением *ʃtr, ʃpl* и *ʃpr*), то уже по одному этому *pf* и *ts* (по крайней мере в письменном языке) нужно рассматривать как простые фонемы³.

Правило пятое. Группу звуков, отвечающую требованиям, сформулированным в правилах 1–3, следует считать простой фонемой, *если это вытекает из всей системы данного языка.*

В таких языках, как чеченский⁴, грузинский, шимшиан⁵ и др., где сочетания согласных возможны во всех положениях, группы согласных *ts, tʃ* следует тем не менее считать реализацией одной фонемы, а не сочетания фонем: этого требует весь контекст фоно-

¹ Ср. John R. Swanton в «Bulletin of the Smithsonian institution, Bureau of Ethnology», XL.

² Ср. П. К. Услар, Этнография Кавказа, I (Языкознание, III, Аварский язык), Тифлис, 1889.

³ Кроме того, сочетания типа «смычный + щелинный» невозможны в начале исконно немецких слов (такие слова, как *Psalm* «псалом», *Xanthippe* «Ксантиппа», несут на себе печать иностранного происхождения), что также побуждает нас трактовать *pf* и *ts* (z) как простые фонемы.

⁴ Ср. П. К. Услар, Этнография Кавказа, I (Языкознание, II, Чеченский язык), Тифлис, 1888.

⁵ Ср. Fr. Boas в «Bulletin of the Smithsonian institution, Bureau of Ethnology», XL.

логической системы указанных языков. Дело в том, что в этих языках смычные выступают в двух формах: без гортанной смычки и с гортанной смычкой, в то время как щелинным такое противоположение чуждо. Поскольку в данных языках наряду с *ts* и *tš* без гортанной смычки имеются и *ts'* и *tš'* с гортанной смычкой, постольку эти звуки оказываются в одном ряду со смычными (*p-p'*, *t-t'*, *k-k'*), и отношение *ts-s* или *tš-š* таким образом полностью параллельно отношению *k-k*.

Правило шестое. Если составная часть потенциально однофонемной группы звуков не может быть истолкована как комбинаторный вариант какой-либо фонемы того же языка, то вся группа звуков должна рассматриваться как реализация одной фонемы.

Как сербохорватское, так и болгарское *г* нередко выполняет слогообразующую функцию. Обычно в этом случае мы имеем сочетание *г* с гласным призвук (Gleitvokal) неопределенного качества; этот призвук в зависимости от звукового окружения выступает то перед *г*, то после *г*. В сербохорватском, где «неопределенный гласный» в других положениях не наблюдается, неопределенный призвук, сопровождающий *г*, не может быть отождествлен ни с одной из фонем данной фонологической системы и все сочетание *г* с (предшествующим или последующим) «гласным призвук» надо рассматривать как одну фонему. В противоположность этому в болгарском языке «неопределенный гласный» (обычно транскрибируемый посредством *ă*) известен и в других положениях (например, *kăštă* «дом» = *kəštə*, *păt* «дорога» = *pət* и т.д.). Гласный призвук при слогообразующем *г* в данном случае имеет значимость комбинаторного варианта неопределенного гласного, а все сочетание звуков оказывается многофонемным (*ăг* или *гă*).

Из этого правила следует, что потенциально однофонемную группу звуков следует считать реализацией одной фонемы, если единственная сопоставимая с данной фонемой группа фонем реализуется в данном языке в другой группе звуков, не отвечающей правилам 1–3. Так, например, польское *џ*, длительность которого не превышает длительности обычных согласных и которое в интервокальном положении целиком относится к следующему слогу, нужно считать реализацией одной фонемы, поскольку группа фонем *t + š* (в польской орфографии *dsz*, *tsz* или *trz*) реализуется в другой группе звуков, длительность которой превышает длительность обычных согласных и которая в интервокальном положении распределяется по двум слогам (например, *podszuwać* произносится: *pot-šyvać*). Точно так же группы фонем *t + s*, *t + š* в русском языке реализуются как сочетания звуков, которые по своей дли-

тельности и по своему отношению к слогоделению качественно отличаются от «с», «š», определяемых как простые фонемы. Смычно-гортанный палатально-свистящий щелинный согласный адыгейского (или черкесского) языка в таких, например, словах, как *ʃes'aʃe* «замечательный», реализуется совсем не так, как сочетание «палатально-свистящий щелинный + гортанная смычка» (например, в слове *ʃes'aʃ(e)* «дал понять»), и потому может быть определен только как простая фонема. Примеры подобного рода можно было бы легко приумножить.

Б. Определение многофонемности

Многофонемная трактовка отдельного звука прямо противоположна однофонемной трактовке группы звуков. Почти всегда дело сводится здесь к тому, что группа фонем, состоящая из гласного и предшествующего ему или следующего за ним согласного, реализуется либо в виде одного согласного, либо в виде одного гласного. Первое имеет место там, где «ослабленный» (то есть нереализованный) гласный обнаруживает в других положениях исключительно слабую степень раствора, приближаясь, таким образом, акустически и артикуляторно к согласным. Второе возможно только тогда, когда «ослабленный» согласный в других положениях является чрезмерно «открытым», реализуясь с возможно наименьшим участием трения и с возможно большей звучностью (раствором) и приближаясь тем самым к гласному. Практически в первом случае речь идет о кратком соответственно безударном узком или неопределенном гласном, а во втором случае — о сонорном (плавном, носовом и *w*, *j*). Таковы фонетические предпосылки многофонемной трактовки отдельного звука. Что же касается фонологических условий этого явления, то все они могут быть сведены к следующему.

Правило седьмое. Если один звук и группа звуков, удовлетворяющие указанным выше фонетическим предпосылкам, относятся друг к другу как факультативные или комбинаторные варианты и если при этом группа звуков является реализацией группы фонем, то и один звук должен рассматриваться как реализация той же группы фонем.

Здесь можно выделить три типичных случая:

а) Данный единичный звук встречается только в тех положениях, в каких данная группа звуков не может встречаться. Приведем несколько примеров. В немецком языке слоговые *l*, *m*, *n* встречаются только в безударных слогах перед согласными и в исходе слова; в противоположность этому группы звуков *el*, *em*, *en* встре-

чаются только в безударных слогах перед гласными (причем указанные группы звуков не могут рассматриваться как простые фонемы, так как слогораздел пролегает в данном случае между э и следующим за ним сонорным; ср. выше п. А, правило 1). Следовательно, немецкие слоговые l, m, n являются реализацией группы фонем əl, əm, ən (что зачастую и обнаруживается в медленной и отчетливой речи). Во многих польских диалектах (а именно в тех, где литературному ą в начале слова соответствуют ɔ, ɕ или ɒm, ɒn) назализованные гласные встречаются лишь перед шелинными, а сочетания «гласный + носовой» — только перед взрывными, гласными и в исходе слова. Так как сочетания «гласный + носовой» не удовлетворяют ни одному из трех условий, позволяющих определить сочетание как простую фонему, и так как составные части этих сочетаний в других положениях являются реализацией самостоятельных фонем, то сами сочетания также являются реализацией группы фонем «гласный + носовой». А отсюда и назализованные гласные в упомянутых диалектах тоже должны интерпретироваться как реализация этой же группы фонем.

б) Данный звук α встречается только в составе одной определенной группы звуков αβ или βα, где он является комбинаторным вариантом определенной фонемы; кроме того, этот же звук встречается и в другом положении, где сочетание αβ (или βα) невозможно: в таком положении звук α должен рассматриваться как замена всего сочетания αβ (или βα) и, следовательно, как реализация соответствующей группы фонем. Приведем несколько примеров. В русской группе звуков ɔl узкое ɔ является комбинаторным вариантом фонемы о. Кроме этой группы звуков (и положения перед безударным u, например, рѡ-ѹхѹ «по уху»), узкое ɔ встречается только в слове sɔpsɔ «солнце». Поскольку группа ɔl (как и вообще сочетание «гласный + l») никогда не встречается перед «п + согласный», следует считать, что ɔ в sɔpsɔ является заменой группы ɔl. Все слово фонологически должно, таким образом, интерпретироваться как solnɕɔ. Безударное ѹ в русском языке после палатализованных согласных и после j реализуется как ü, а в прочих положениях — как u (например, jül'it' «юлить» = фонол. jül'it', t'ül'en' «тюлень» = фонол. t'ül'en'). Если безударное ü оказывается в положении после гласного, оно заменяет группу фонем jü, которая в данном положении и не может реализоваться иначе (например, znäüt «знают» = фонол. znajüt). Чешское «i» после j (а также после палатальных t', d', ň) реализуется как напряженный, а после гуттуральных, дентальных и свистящих — как ненапряженный гласный. В связной речи начальное j в группе ji после конечного соглас-

ного предшествующего слова «ослабляется» (иначе говоря, не реализуется). Таким образом, напряженное *i* оказывается в положении после гуттуральных, дентальных и свистящих; в таком положении его следует рассматривать как реализацию группы фонем *ji*, например: *ñeco k jidlu* «что-нибудь поест!» (произносится почти как *ñecokidlu*), *vytah ji ven* «тащи вон!» (произносится почти как *vitaħiven*), *uħ ji mām* «у меня уже есть» (произносится почти как *uħmām*; не путать с *uħi mām* «у меня есть уши», произносимым как *uħimām* с ненапряженным *i*).

в) Во многих языках, где сочетания согласных либо вообще невозможны, либо возможны лишь в определенных положениях (например, в начале или исходе слова) узкие гласные факультативно ослабляются, причем предшествующий согласный рассматривается как реализация группы «согласный + узкий гласный». В узбекском языке, который не терпит скопления согласных в начале слова, гласный *i* в первом безударном слоге обычно бывает ослаблен: говорят, например, *rħimod* «варить», а считают, что это *riħimod*¹. В японском языке вообще нет скоплений согласных (если не считать сочетание «носовой + согласный»), а в исходе слова согласные вообще невозможны. Но в быстрой речи гласный *u* часто (особенно после глухих согласных) «сходит на нет»; предшествующий согласный в этом случае замещает группу «согласный + *u*», например *desu* (связка), произносимое как *des*.

4. Ошибки при определении однофонемной и многофонемной значимости звуков чужого языка

Правила, определяющие однофонемную или многофонемную трактовку звуков, учитывают структуру данной системы и специальную роль данного звука в системе. Поэтому звуки и сочетания звуков, рассматриваемые в каком-либо языке как однофонемные или многофонемные, не обязательно трактуются таким же образом в других языках. Однако «неискушенный» наблюдатель при восприятии чужого языка обычно переносит на него звуковые оценки, обусловленные отношениями, сложившимися в его родном языке; естественно, что тем самым он получает совершенно ложное представление об этом языке.

Большое число весьма поучительных примеров приводит Е.Д. Поливанов в своей работе «Восприятие звуков иностранного языка». Японец, в языке которого отсутствуют скопления согласных, а узкие гласные бывают очень краткими и склонны факультативно к исчезновению, уверен, что и в чужом языке он слышит те же краткие узкие гласные между со-

¹ См. Е.Д. Поливанов, TCLP, IV, стр. 83.

гласными и в исходе слова. Поливанов¹ приводит японское произношение русских слов *так, путь, дар, корь*: *taku, ruč'i, daŋu, koŋ'i*. Можно привести также японскую интерпретацию таких английских слов, как *club* = яп. *kurabu*, *film* = яп. *hirumu*, *cream* = яп. *kurimu*, *ski* = яп. *suki*, *spoon* = яп. *supun* и т.д., или яп. *Kirisuto* «Christus» и многое другое². Эти вставки гласных *и* и *і* (а после *t* и *d* также *о*) между согласными и после конечного согласного (а равным образом смешение *г* и *л*) приводят к тому, что европеец с трудом может понять японца, который пытается говорить на одном из европейских языков. Лишь после длительной тренировки японцу удается избавиться от подобного рода произношения; однако и тут он нередко впадает в противоположную крайность, не произнося этимологических *и* и *і* в иностранных словах. Согласные с следующими за ними *и* и *і*, а также согласные без следующих за ними гласных японец воспринимает как факультативные варианты группы фонем, и ему чрезвычайно трудно освоиться, привыкнуть к тому, что эти мнимо факультативные варианты имеют смыслоразличительную функцию, а сверх того еще и к тому, что один из вариантов является реализацией одной фонемы, а не группы фонем. Другой из приведенных Поливановым примеров касается корейской трактовки сочетания «*s* + согласный». В противоположность японскому языку корейский язык допускает известные сочетания согласных, впрочем только в середине слова. Но сочетание «*s* + согласный» чуждо современному корейскому языку. Когда кореец слышит такое сочетание в чужом языке, он воспринимает его как недоступный ему особый способ произношения следующего согласного (желая сказать соответствующее слово, он обычно произносит его с пропуском *s*: *тарик казал* — вместо *старик сказал*). Э. Сепир³ рассказывает, что американские студенты, познакомившись на фонетических занятиях с гортанными взрывными, склонны были слышать их после каждого краткого ударного гласного в исходе слов чужого языка. Это «акустическое заблуждение» основывается на том, что в английском языке все ударные гласные в исходе слова являются долгими и что те, у кого родным языком является английский, могут представлять себе краткий гласный лишь перед согласным.

Всюду, где в чужом языке мы слышим звуковое образование, чуждое родному для нас языку, мы склонны расценивать его как сочетание звуков и рассматривать как реализацию группы фонем родного для нас языка. Очень часто воспринимаемый звук действительно дает основания для такой интерпретации, поскольку любой звук представляет собой ряд «звуковых атомов». Придыхательные составлены фактически из смычки, взрыва и придыхания, аффриката — из смычки и шума трения. Поэтому нет ничего удивительного, если иностранец, в языке которого эти звуки отсутствуют или не имеют однофонемной значимости, воспринимает их как

¹ E. D. Polivanov, La perception des sons d'une langue étrangère, TCLP, IV, стр. 79 и сл.

² Henri Frei, Monosyllabisme et polysyllabisme dans les emprunts linguistiques, «Bulletin de la Maison Franco-Japonaise», VIII, 1936.

³ См. «Journal de psychologie», XXX, стр. 262

реализацию группы фонем. Равным образом естественно и то, что русские и чехи воспринимают долгие гласные английского языка, рассматриваемые англичанами в качестве простых фонем, как дифтонги, то есть как сочетание двух гласных фонем. ведь эти гласные фактически являются «скользящими дифтонгами». Однако очень часто многофонемная интерпретация чужого звука покоится на заблуждении: различные артикуляторные признаки, в действительности сосуществующие одновременно, воспринимаются как следующие друг за другом. Болгары воспринимают немецкие *ü* как *ju* (*juber* = *über*), потому что переднее положение языка и округление губ, проявляющиеся в немецком языке одновременно, они представляют себе как раздельные моменты. Украинцы, которым чужд звук *f*, передают чужое *f* через *хя* (*Хвишип* = *Филипп*), воспринимаемая таким образом синхронные признаки *f* (глухой шум трения и лабиодентальная локализация) как два следующие друг за другом момента. Чешское *ř*, которое, безусловно, является одним звуком, воспринимается многими иностранцами как сочетание звуков *gž* (причем это восприятие проникло даже в чешскую грамматику парижского слависта А. Мазона¹): в действительности *ř* представляет собой просто-напросто *g* с незначительной амплитудой колебания кончика языка, что на слух создает впечатление ж-образного трения *м е ж д у* ударами *г*². В отдельных северокавказских языках (адыгейском, кабардинском, арчинском, аварском и во всех языках западного Дагестана), равно как в отдельных африканских (зулу, суто, педи) и североамериканских языках, имеются так называемые «латеральные спиранты», как звонкие, так и глухие. Глухие воспринимаются иностранцами как *tl*, *kl*, *ʈl*, *xl*, *sl*; иными словами, глухость и латеральная артикуляция воспринимаются как две следующие друг за другом фонемы³. Подобного рода примеры можно легко умножить. Психологически они объясняются тем, что фонемы символизируются не звуками, а определенными существенными звуковыми признаками, а также тем, что сочетание звуковых признаков трактуется как группа фонем; но поскольку две фонемы никогда не могут выступать синхронно, то их и воспринимают как последовательный ряд фонем.

При изучении чужого языка нужно преодолевать все эти трудности. Недостаточно приучить органы речи к новой артикуляции, необходимо, кроме того, приучить фонологическое сознание правильно оценивать эти новые артикуляции как однофонемные или многофонемные.

¹ A. Mazon, Grammaire de la langue tchèque, Paris, 1931, стр. 14.

² Cp. J. Chlůmský, Une variété peu connue de l'*r* linguale, «Revue de phonétique», 1911.

³ См. N Trubetzkoy, Les consonnes latérales des langues caucasiques-septentrionales, BSL. XXIII, 3, стр. 184 и сл.